Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2026. Т. 20, № 3. С. 120–131.
Oikumena. Regional Researches. 2026. Vol. 20, No. 3. P. 120–131.

Научная статья
УДК 911.3:330.3
https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-3/120-131

Приграничное экономическое сотрудничество на внутренних границах ЕАЭС: от эксплуатации советского наследия к новым кооперационным связям?

Михаил Сергеевич Карпенко
Институт географии РАН, Москва, Россия, kms@igras.ru
Кира Алексеевна Морачевская
Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, k.morachevskaya@spbu.ru
Александр Борисович Себенцов
Институт географии РАН, Москва, Россия, asebentsov@igras.ru
Антон Сергеевич Кузавко
Смоленский государственный университет, Смоленск, Россия, akuzavko@rambler.ru

Аннотация. В статье выдвигается гипотеза о многомерной природе приграничного сотрудничества в российско-белорусском и российско-казахстанском пограничье. На основе статистических данных, анализа дискурса и материалов полевых исследований выявляются последствия межгосударственных интеграционно-дезинтеграционных процессов и геополитических преобразований последних лет для экономического взаимодействия поверх границ. Показано, что интеграция постсоветского периода не привела к усилению связей. Ткань сотрудничества определяют созданные в советское время предприятия-гиганты, имеющие производственно-сырьевые связи. Малый бизнес использует скорее не плоды интеграции, а институциональные и ценовые градиенты; более активно – в российско-белорусском пограничье, отличающемся меньшей барьерностью границы, социокультурной близостью и лучшей транспортной доступностью. Влияние западных санкций на разных участках границ различается. На границе России и Беларуси асимметричность введенных ограничений вызвала активизацию взаимодействия, а также новую волну "наводнения" российского рынка белорусской продукцией. На границе России и Казахстана ситуация из-за опасений вторичных санкций была более противоречивой, одновременно сочетая разрыв связей, применение посреднических схем и релокацию.
Ключевые слова: *российско-казахстанское пограничье, российско-белорусское пограничье, интеграция, кооперация, приграничная торговля*

Исследование экономических связей в российско-белорусском пограничье выполнено по проекту РНФ 23-78-10163 "Влияние межгосударственной интеграции на межотраслевую и внутриотраслевую торговлю регионов российско-белорусского приграничья". Анализ экономических связей в российско-казахстанском приграничье проводился за счёт средств ГЗ Института географии РАН "Социально-экономическое пространство России в условиях глобальных трансформаций: внутренние и внешние вызовы" (FMWS-2024-0008)

Для цитирования: Карпенко М. С., Морачевская К. А., Себенцов А. Б., Кузавко А. С. Приграничное экономическое сотрудничество на внутренних границах ЕАЭС: от эксплуатации советского наследия к новым кооперационным связям? // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2026. Т. 20, № 3. С. 120–131.
https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-3/120-131

Original article
https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-3/120-131

Cross-Border Economic Cooperation Along the Internal Borders of the EAEU: From Exploiting the Soviet Legacy to New Cooperative Ties?

Mikhail S. Karpenko
Institute of Geography, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, kms@igras.ru
Kira A. Morachevskaya
Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia, k.morachevskaya@spbu.ru
Alexander B. Sebentsov
Institute of Geography, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, asebentsov@igras.ru
Anton S. Kuzavko
Smolensk State University, Smolensk, Russia, akuzavko@rambler.ru

Abstract. This paper puts forward a hypothesis regarding the multidimensional nature of cross-border cooperation in the Russian-Belarusian and Russian-Kazakhstani border regions. Based on statistical data, discourse analysis and field research materials, the paper identifies the consequences of interstate integration and disintegration processes and the geopolitical transformations of recent years for cross-border economic interactions. It is shown that post-Soviet integration has not led to a strengthening of ties. The fabric of cooperation is defined by the giant enterprises established in the Soviet era, which have production and raw material links. Small businesses tend to exploit not so much the benefits of integration as institutional and price gradients; and do so more actively in the Russian-Belarusian borderland, which is characterized by lower barrier function of the border, socio-cultural proximity and better transport accessibility. The impact of Western sanctions varies across different border sections. On the Russian-Belarusian border, the asymmetry of the restrictions imposed has led to increased interaction, as well as a new wave of 'flooding' of the Russian market with Belarusian products. On the border between Russia and Kazakhstan, the situation, due to fears of secondary sanctions, was more complex, simultaneously involving a breakdown in ties, the use of intermediary schemes and relocation.
Keywords: *Russian-Kazakhstani borderland, Russian-Belarusian borderland, integration, cooperation, cross-border trade*

© Карпенко М. С., Морачевская К. А., Себенцов А. Б., Кузавко А. С., 2026

Research on economic ties in the Russian-Belarusian border region was carried out under the project 23-78-10163 of the Russian Science Foundation "The Impact of Interstate Integration on Intersectoral and Intra-Sectoral Trade in the Regions of the Russian-Belarusian Border Region". The analysis of economic ties in the Russian-Kazakh border region was carried out at the expense of the State Program of the Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences "Socio-Economic Space of Russia in the Context of Global Transformations: Internal and External Challenges" (FMWS-2024-0008).

For citation: Karpenko M. S., Morachevskaya K. A., Sebentsov A. B., Kuzavko A. S. Cross-Border Economic Cooperation Along the Internal Borders of the EAEU: From Exploiting the Soviet Legacy to New Cooperative Ties? // Ojkumena. Regional Researches. 2026. Vol. 20, No. 3. P. 120–131.
https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-3/120-131

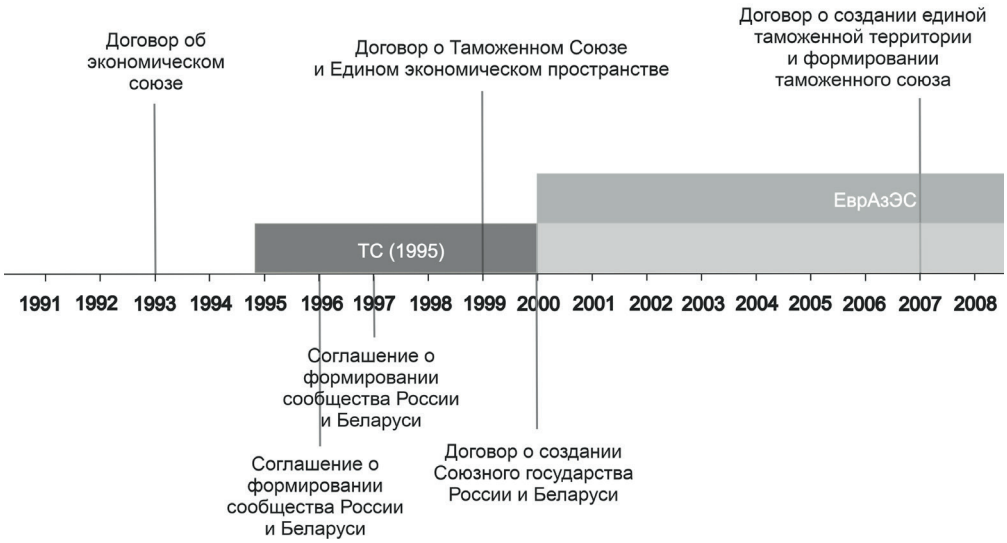
Введение и постановка проблемы

Вслед за французскими постструктуралистами современные исследователи всё чаще обращают внимание на то, что государственные границы следует рассматривать не столько как объект, сколько как "непрерывный процесс разграничения" **[17, с. 8]**. Такая природа границ связана, во-первых, с тем, что граница не является только лишь линией, а представляет собой социальный, экономический и политический институт, существование которого постоянно должно подтверждаться соответствующими дискурсами и связанными с ними практиками. Во-вторых, постоянный поиск баланса между двумя основными функциями границы – контактной и барьерной – делает жизнь в пограничье чрезвычайно изменчивой и уязвимой.

Важную роль в этом поиске играет приграничное сотрудничество, которое в узком смысле может рассматриваться как исключительная прерогатива федеральных, региональных и местных властей, а в широком – охватывает весь комплекс трансграничных взаимодействий, включая повседневные контакты людей и экономические связи.

В литературе опровергается идея повсеместного сближения вдоль открытых границ **[18]**. Более того, конвергенция стран на интеграционном пути часто приводит к дивергенции их регионов **[2; 18]**. Стремление к ускоренному экономическому росту стран интеграционного объединения ведет к повышенной концентрации ресурсов роста (прежде всего инвестиций) в наиболее конкурентоспособных местах – агломерациях, транспортных узлах. Это ведёт к росту внутристранового неравенства. Поскольку периферийные приграничные регионы редко входят в число наиболее конкурентоспособных, их отставание от среднестранового уровня развития часто на этом фоне нарастает. Приграничные регионы внутри ЕАЭС уже традиционно считаются примерами территорий со скромной результативностью приграничного сотрудничества (особенно в экономической сфере), при этом с отсутствием к этому явных геополитических и институциональных препятствий и проницаемой границей. Исследования показали, что "малая интеграция" в пограничье – экономическая кооперация, приграничная торговля и сотрудничество – не всегда коррелирует с масштабными интеграционными инициативами **[1; 3]**. Ни снятие большей части таможенных ограничений (на обоих участках границы), ни практически полное отсутствие пограничного контроля (на границе с Беларусью) не гарантировали активизации экономического сотрудничества. Тем не менее также широко известно, что в российско-белорусском и российско-казахстанском пограничье представлено множество форм трансграничного экономического взаимодействия как формального, так и неформального характера **[4; 12]**. В их числе производственная кооперация, тесное взаимодействие в агропродовольственном секторе, малое предпринимательство, челночная торговля и трансграничные поездки за покупками **[16]**. Если территория проходит разные стадии эволюции на интеграционно-дезинтеграционном пути, можно ожидать появления "новых старых" связей. Иными словами, природа экономических взаимодействий может крыться в восстановлении старых разрушенных контактов **[24]**.

Другим важным результатом предшествующих исследований является то, что социально-экономические контрасты и диспропорции между странами и приграничными регионами часто становятся не менее важным фактором активизации или, наоборот, спада трансграничных экономических связей, чем интеграционные инициативы **[18]**. С одной стороны, ресурс границы

состоит в асимметричных трансграничных взаимодействиях, то есть в тех контактах, которые возникают в поисках выгоды на соседней стороне **[16]**. С другой стороны, ресурс границы состоит в подталкивании процесса обмена инновациями, стимулировании сближения: находящиеся рядом территории стремятся к похожести, к обеспечению одинакового уровня жизни **[15]**. Базируясь на такой дихотомии, можно утверждать, что природа приграничного экономического взаимодействия кроется как в наличии социально-экономических и институциональных градиентов, различий в экономических моделях соседствующих стран, так и в комплементарности региональных экономик приграничных регионов.

Ещё одним фактором, определившим изменчивость приграничных экономических связей, выступили западные санкции. Они стали вызовом для существования сложившихся ещё в советское время производственных связей крупнейших индустриальных гигантов – единственной константы экономических контактов на обоих участках границы.

Основная исследовательская задача статьи состоит в попытке выявить природу современного приграничного сотрудничества в экономической сфере между приграничными регионами России, Беларуси и Казахстана, оценив баланс "старого" и "нового"[1]. Основываясь не только на общедоступных статистических данных, но и данных экспертных интервью, полученных в ходе экспедиций в приграничные регионы, авторы стремятся представить взгляд из самого пограничья. Предполагается внести вклад в дискуссию о многомерной природе экономических взаимодействий в пограничье, соотнося последствия постсоветской дезинтеграции и межгосударственных интеграционных инициатив постсоветского периода, влияние комплементарности экономик и различий в экономических моделях соседствующих стран, а также реакцию на острые изменения геополитического контекста.

Материалы и методы

Часть материалов статьи основана на статистических данных о взаимной торговле, характеризующихся, однако, неполнотой сведений. Во-первых, данные о взаимной торговле между приграничными регионами не публикуются: общедоступной является торговля конкретного региона с сопредельной страной. Поэтому анализ дополнен информацией с сайтов региональных администраций, крупных предприятий и из публикаций в региональных СМИ, собранных в базе "Интегрум". Во-вторых, временной срез, за который

[1] С учётом многообразия подходов к вопросу о глубине пограничья отметим, что в данной работе под российско-белорусским пограничьем подразумеваются приграничные регионы России и Беларуси, под российско-казахстанским – приграничные регионы России и Казахстана.

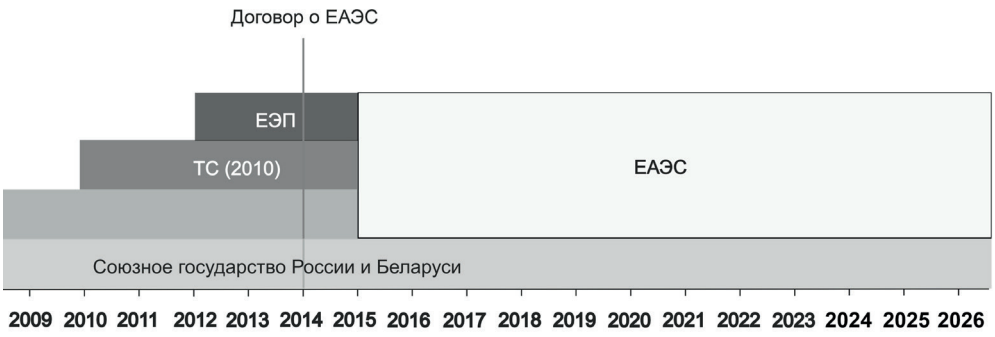

Рис. 1. Эволюция интеграционных процессов между Россией, Беларусью и Казахстаном
Источник: составлено авторами.
Fig. 1. Evolution of integration processes between Russia, Belarus and Kazakhstan
Source: compiled by the authors.

возможен анализ внешнеторговых взаимодействий приграничных регионов, ограничен 2021 г., поскольку результаты анализа "зеркальной" статистики стран-партнеров не могут быть опубликованы в связи с государственными ограничениями. Источниками информации выступают данные Национального статистического комитета Республики Беларусь, Федеральной таможенной службы РФ, Комитета по статистике Министерства национальной экономики Республики Казахстан.

Прочие ограничения при работе со статистикой связаны с тем, что статистический учёт деятельности внешнеэкономических субъектов ведётся по месту регистрации организации, а не её нахождения (фактического производства товаров и услуг). Более того, часть экономических взаимодействий не видна статистике, поскольку обеспечивается за счёт местного населения (приграничная торговля и челночная торговля).

Исследование также базируется на результатах многолетних полевых исследований в регионах российско-белорусского и российско-казахстанского пограничья, а наиболее актуальный информационный срез относится к экспедициям в Оренбургскую, Смоленскую, Могилевскую и Витебскую области в 2022 г., Челябинскую, Курганскую и Костанайскую области в 2023 г., Псковскую область в 2024 г. В ходе полевых исследований было проведено более ста экспертных интервью с представителями административных и бизнес-кругов, в регионах российско-белорусского пограничья состоялось анкетирование глав местных администраций (15 чел.).

Результаты исследования и их обсуждение

В развитии интеграционно-дезинтеграционных процессов в регионах российско-казахстанского и российско-белорусского пограничья можно выделить несколько основных этапов *(рис. 1)*.

С 2010 г. происходит поступательное развитие интеграции, её углубление. Последовательный запуск Таможенного союза (2010), Единого экономического пространства (2012) и ЕАЭС (2015) создал новые возможности для сотрудничества и широкого спектра трансграничных взаимодействий: существенно снизилась степень барьерности границ, получил развитие принцип "четырёх свобод" – движения людей, товаров, услуг и капиталов **[2]**. Вместе с тем развитие интеграции на современном этапе не позволяет странам-участницам игнорировать принимаемые отдельными странами на национальном уровне решения, а также геополитические вызовы. Так, введение безвизового режима белорусской стороной (такой режим впервые был введен в 2017 г.) привело к введению в приграничных регионах России и Беларуси пограничного режима (с 2017 г.), а остановки на контрольно-пропускных пунктах для предоставления документов после 2022 г. стали практически повсеместными.

После 2025 г. заметно усилился таможенный контроль в отношении граждан третьих стран и перевозимых ими грузов для защиты внутреннего рынка от недобросовестного импорта.

Роль социально-экономических моделей развития

Проведённые нами интервью показали, что одним из важных факторов, определяющих возникновение новых и сохранение существующих внешнеэкономических связей (торговых и кооперационных), выступает национальная модель социально-экономического развития **[6]**.

Особенности казахстанской социально-экономической модели проявляются в высокой доле собственности, сконцентрированной, с одной стороны, у государства, с другой – у иностранных корпораций. При этом почти 70% экспортной продукции страны производится в экспортно-сырьевом секторе, который включает в себя нефтегазовую и угольную промышленность, металлургию, сельское хозяйство. Трансграничные связи в этих отраслях, как и в советское время, формируют основные черты экономического ландшафта в пограничье **[8, с. 243]**. Другой важной особенностью этой модели является трудный поиск баланса между, с одной стороны, стремлением к модернизации общества и экономики по западному образцу и улучшением условий для ведения бизнеса, с другой – "казахизацией" различных государственных, общественных и экономических институтов, что создает заметные преимущества для титульного населения.

Белорусская экономическая модель по многим позициям сохранила свою функцию "производителя конечной продукции", что было характерно для большей части бывших союзных республик "западного фасада" СССР. Характерные черты модели – высокая доля государственной собственности в большинстве отраслей производства, низкая доля иностранного капитала в экономике, а также особые торгово-экономические взаимодействия с Россией. Получая сырье по льготным ценам из России, Беларусь имеет гарантированный сбыт отдельных видов промышленной и продовольственной продукции, в основном с высокой добавленной стоимостью, в Россию. Высокий уровень интеграции предполагает широкую представленность товаров (особенно белорусских в России) не только на товарных рынках (машин, оборудования, пищевой и легкой промышленности), но и в системе государственных закупок: белорусы часто выступают подрядчиками в строительстве и ремонте дорог, мостовых переходов, объектов социальной инфраструктуры и проч. Национальный фактор не является препятствием для российского бизнеса, куда большую роль играют государственные меры по защите белорусских производителей, присутствие государства в капитале практически всех крупных компаний и общая зарегулированность экономики.

Торговое взаимодействие и локализованные в пограничье крупные производственные связи

Анализ ключевых статей экспорта и импорта каждого из регионов пограничья в соседнюю страну позволил сделать некоторые предположения о трансграничном межрегиональном обмене. Структура экспорта белорусских приграничных регионов в Россию характеризуется разнообразием товарных позиций. Около 25% приходится на продукцию животного происхождения (мясная и молочная продукция), от 15 до 22% – на машины и оборудование, от 8 до 16% – на текстиль, продукцию химической промышленности, а также пластмассы и изделия из резины – 8%. Для большинства крупных промышленных предприятий российский рынок является основным при организации экспорта ("Белшина", "Могилевхимволокно", "Могилевлифтмаш" и проч.). Для Гомельской области значимой статьей экспорта являются металлы и изделия из них, в первую очередь за счёт деятельности БМЗ в г. Жлобине.

Можно предположить, что часть этих экспортных потоков "оседает" в российской части пограничья. Во-первых, часть продовольственного экспорта перераспределяется через логистическую инфраструктуру пограничья, реализуя его буферную функцию. Во-вторых, это продукция для потребления непосредственно в российских приграничных регионах. Например, белорусская молочная продукция широко представлена на продовольственном рынке в российском пограничье. Размер предприятия-поставщика со стороны Белару-

си, как правило, прямо коррелирует с местом сбыта такой продукции **[13]**. Продукция витебских, могилевских, гомельских молоко- и маслосырзаводов наиболее широко представлена в сетевых магазинах регионального уровня, несетевых магазинах, в мобильных формах торговли и на рынках. Магазины федеральных сетей в первую очередь сотрудничают с лидером молочной отрасли Республики Беларусь, ОАО "Савушкин продукт", расположенным за пределами российско-белорусского пограничья – в Брестской области.

Структура импорта белорусских приграничных регионов из России также довольно диверсифицирована, однако от 20–30 до 60% (в Гомельской области) приходится на металлы и изделия из них, что связано с мощной производственной базой обрабатывающей промышленности в каждом из регионов. Часть импорта от 5 до 12% (а в Могилевской области – до 30%) обеспечивается поставками продукции из пластмассы и каучука, химической промышленности, различного оборудования. Чуть более 5% импорта Гомельской области приходится на минеральные продукты (Мозырский НПЗ).

Экспорт сельскохозяйственной продукции для приграничных с Беларусью российских регионов состоит в основном в поставках сырья: пшеницы, рапса, подсолнечника, в то время как готовая пищевая продукция практически не экспортируется. Экспорт промышленной продукции включает как сырьё (лом и отходы металлов, известь), так и готовую продукцию из металла (трубы, прокат, прутки и проч.) (Смоленская и Брянская области), деревообработки (бумагу и картон, ДСП) (Смоленская и Псковская области), пластмасс (Смоленская и Брянская области), а также машины и оборудование (Смоленская и Брянская области).

Структура импорта российских регионов, приграничных с Беларусью, в целом соответствует экспорту белорусских приграничных регионов, подтверждая гипотезу, что часть товарных потоков направлена в пограничье или через пограничье на рынок остальной части территории страны.

Аналогичный анализ по регионам российско-казахстанского пограничья показал, что, несмотря на углубление интеграции в торговле за счёт изменения режима границ, товарная структура экспорта российских регионов изменилась незначительно. Советские предприятия-гиганты в металлургическом и нефтегазовом секторах по-прежнему определяют экономический ландшафт и внешние связи во многих приграничных регионах. Так, оставалась достаточно устойчивой доля минеральных продуктов в экспорте Оренбургской области (55% в 2013 г. и 44% в 2021 г.), металлов и изделий из них – в экспорте Челябинской (64 и 56% соответственно) и Волгоградской областей (54 и 25% соответственно). Весь рассматриваемый период важную роль играл экспорт машиностроительной продукции из Самарской области (около 30%).

Среди наиболее значимых изменений можно выделить следующие.

Во-первых, снижение удельного веса минеральных продуктов в экспорте ряда российских регионов было связано в основном с завершением модернизации нефтеперерабатывающих мощностей в Казахстане, позволившей увеличить ассортимент и объёмы производимой продукции, а также со связанным с этим запретом на импорт отдельных видов продукции с целью недопущения затоваривания внутреннего рынка.

Во-вторых, в период с 2013 по 2021 г. во многих регионах появились новые статьи экспорта. Наблюдался рост экспорта продуктов растительного происхождения во всех регионах к востоку от Оренбургской области – в основном это пшеница и меслин. В Республике Алтай поставки сельскохозяйственной продукции в Казахстан в 2021 г. стали полностью определять экспортный профиль этого региона. Кроме того, новые экспортные поставки были связаны с экспортом металлов и изделий из них (44% экспорта Саратовской области в 2021 г.; область поставляет в Казахстан арматуру, резервуары для нефтяной промышленности Казахстана (МЗ Балаково, Саратовский РМЗ)), лесоматериалов (17% экспорта Курганской области), пластмасс (57% экспорта Тюменской области), вагонов и прочих машин (9% экспорта Алтайского края).

Структура импорта из Казахстана в 2013 и 2021 гг. оставалась фактически неизменной (в разном соотношении фигурировали одни и те же товарные позиции). В регионах с сырьевой производственной кооперацией особое значение имели минеральные продукты (Оренбургская и Челябинская области), в прочих регионах – металлы и изделия из них, машиностроение и оборудова-

ние, транспорт (Самарская, Саратовская и Омская области), продукция растительного происхождения и пищевая продукция (Курганская и Саратовская области).

Важной тенденцией рассматриваемого периода в Оренбургской, Саратовской, Курганской и Омской областях стал рост абсолютных объёмов и удельного веса в импорте из Казахстана продукции растительного происхождения и пищевой продукции. Эти отрасли в последнее десятилетие активно развивались в казахстанской части пограничья и, в том числе благодаря короткому транспортному плечу, пользовались спросом в крупных городах пограничья.

Другой тенденцией стало снижение доли импортируемой минеральной продукции и, прежде всего, казахстанского угля на электростанции Курганской, Омской областей и Алтайского края, которые постепенно замещались внутренними поставками. В ряде регионов, особенно там, где присутствуют предприятия металлургии и машиностроения (Волгоградская, Челябинская, Самарская, Новосибирская области), выросла доля импорта металлов и изделий из них, в том числе из приграничных регионов Казахстана. В Самарской области их доля, напротив, сократилась (с 92% в 2013 г. до 44% в 2021 г.) на фоне роста других статей импорта – машин и оборудования (энергетическое оборудование, узлы транспорта).

Экспорт большинства казахстанских регионов складывался преимущественно из минеральных продуктов – руд цветных и черных металлов, угля, цемента, стройматериалов (Атырауская, Актюбинская, Костанайская и Восточно-Казахстанская области), металлов и изделий из них (почти повсеместно). Развитие машиностроительного кластера в Костанайской, Северо-Казахстанской и Павлодарской областях привело к расширению экспортных поставок транспортных средств, а также их отдельных узлов и деталей. Аналогично развитие сельского хозяйства в Северо-Казахстанской и Западно-Казахстанской областях привело к увеличению экспорта продукции растительного и животного происхождения. Особый экспортный профиль имели Актюбинская и Костанайская области, которые и в 2013 г., и в 2021 г. почти полностью концентрировались на экспорте минеральной продукции.

В казахстанское пограничье импортировались машины и оборудование (Северо-Казахстанская, Павлодарская, Актюбинская), металлы и изделия из них (все регионы, но особенно – Атырауская, Западно-Казахстанская и Актюбинская области), минеральные продукты (Западно-Казахстанская, Актюбинская, Восточно-Казахстанская области), продукция химической и пищевой промышленности. Заметным оказался рост импорта запасных частей, машин и оборудования в Костанайской и Павлодарской областях, где продолжается развитие сборочных машиностроительных производств. На фоне остановки работы автосборочного завода "Азия-Авто" (Восточно-Казахстанская область) в 2021 г., наоборот, наблюдался резкий спад в импорте запчастей и машинокомплектов из России.

Адаптация торгово-экономического взаимодействия к новым вызовам

Санкции и рестрикции, введённые против России и её основных торговых партнеров, потребовали широкой адаптации внешнеэкономических связей в пограничье. На границе России и Беларуси политика санкций скорее способствовала активизации трансграничных взаимодействий. Трансграничный градиент в общем числе санкций (22 230 против России и 1 499 против Беларуси), а также их характере (Беларусь имеет послабления в сфере торговых и финансовых операций) стал драйвером для развития сотрудничества между предприятиями, нацеленного на обход торговых ограничений. Так, совместные российско-белорусские предприятия "Амкодор-Брянск" и "Брянсксельмаш" стали бенефициарами ухода с российского рынка иностранных конкурентов и превратились в одних из ключевых поставщиков дорожно-строительной, коммунальной и сельскохозяйственной техники. На фоне постепенного повышения уровня локализации производства в Брянске головные компании стали приближать конечную сборку к потребителю: "Амкодор" и "Амкодор-Брянск" начали развитие новых площадок в Липецке, Петрозаводске и Уфе, "Гомсельмаш" создал предприятие в Усть-Лабинске в Краснодарском крае. Расширилось присутствие торговых домов и мультибрендовых цен-

тров продажи и обслуживания техники из Беларуси в пограничье и ключевых районах её потребления.

Широкой российской торгово-экономической экспансии в белорусские приграничные регионы не наблюдалось, что во многом связано со спецификой белорусской экономической модели. Многие российские предприятия использовали механизм свободных экономических зон (12 в Гомеле, по 9 в Могилеве и Витебске).

В отличие от Беларуси, Казахстан не становился объектом западных санкций, что, с одной стороны, только усиливало взаимную заинтересованность в сотрудничестве, а с другой – потребовало от казахстанских властей соблюдения санкционного режима во избежание вторичных санкций **[5]**. В результате наблюдались противоречивые тенденции: распад или переформатирование некогда казавшихся максимально устойчивыми производственно-технологических связей предприятий или же формирование новых производственных связей. Так, в период с 2022 по 2025 г. прекратились поставки железорудного концентрата с Соколово-Сарбайского ГОКа на ММК **[7]**, однако с 2026 г. поставки возобновились по посреднической схеме. Сырьевые связи в алюминиевой промышленности, наоборот, стали более прочными: на фоне сбоев с поставками сырья из Австралии и прекращения сотрудничества с Украиной РУСАЛ вдвое увеличил закупки глинозёма в казахстанском Павлодаре.

После 2022 г. регионы казахстанского пограничья использовались как площадки для релокации российских производств. Наши интервью в пограничье показали, что для стимулирования переноса производств национальными и региональными властями Казахстана использовались налоговые и административные стимулы.

"Уже до пандемии стали сокращать закупки российской продукции, а акиматы получили KPI на локализацию производства. Сейчас после введения санкций эта политика продолжается. К нам акимы приезжали… Хоть какой-то сборочный цех, но поставь. В ином случае… у них там жёстко спрашивают" (Челябинск, 2023 г., представитель Министерства экономического развития Челябинской области).

Так, в 2022 г. в г. Петропавловске за пять месяцев было налажено производство мотоциклов "Урал" (завод в г. Ирбите Свердловской области), для которых основными рынками сбыта являются страны ЕС, США и Япония. Петропавловск был выбран по причине фактического отсутствия языкового барьера, а также короткого транспортного плеча, позволившего оперативно выстроить логистические цепочки. Были и другие примеры релокации, в том числе собственно казахстанских компаний, наладивших производство в России и вернувшихся после 2022 года (Алматинский вентиляторный завод).

Малое предпринимательство и неформальная экономика

Определяющим фактором развития трансграничного малого предпринимательства является институциональный, а именно – более выгодные или более мягкие условия регистрации, налогообложения и в целом ведения бизнеса с одной из сторон границы. Наши многолетние полевые исследования показали, что переток бизнеса через границу – более массовое явление в российско-белорусском пограничье в сравнении с российско-казахстанским. Этому способствуют меньшая барьерность границы, более высокий уровень социокультурной близости, лучшая взаимная транспортная доступность.

Наиболее распространенными сферами развития малого бизнеса на рассматриваемых участках границы являются розничная торговля (продукты питания, одежда и обувь, косметика и др.), автоперевозки, а в случае российско-белорусской границы – ещё и строительство (в том числе дорожное). При этом трансграничное малое предпринимательство присутствует в пограничье в двух формах. Во-первых, это малый бизнес, который ведётся представителем сопредельного государства на территории соседнего. Во-вторых, это предприниматели, род деятельности которых связан непосредственно с регулярными трансграничными перемещениями.

Примером первого, помимо традиционных видов деятельности для малого бизнеса (розничная торговля, услуги), является компания-трейдер зерна в г. Петропавловске (учредитель – житель Курганской области). Ниша на

рынке, наличие первоначального капитала и адресная поддержка от региональных органов власти позволили предприятию выйти на рынок Казахстана и достаточно успешно функционировать.

Примерами второго типа, помимо такого распространенного вида деятельности, как перевозки, являются ряд агентств, которые оказывают услуги "экспорта под ключ", занимаясь экспортом, импортом, логистикой и международными платежами (например, ООО "Точные поставки" в г. Смоленске).

Риторика интеграции и постепенного институционального сближения на практике осложняется сохраняющимися мерами нетарифного регулирования, которые препятствуют взаимопроникновению на рынки соседствующих стран. Это особенно трудно преодолевается субъектами малого предпринимательства. Например, в Беларуси во многих отраслях экономики сохраняется негласное доминирование национальных регламентов над регламентами ТС ЕАЭС, что делает невозможным использование российских сертификатов качества и вынуждает проходить дополнительную сертификацию в Беларуси.

Значительный удар по трансграничному малому бизнесу в пограничье нанесла пандемия COVID-19. Например, в Омске и Тюмени долгое время работали продовольственные магазины, куда поставлялась продукция из соседней Северо-Казахстанской области (ООО "КазМаркет"; половиной уставного капитала владел гражданин Казахстана). В них продавались мясные полуфабрикаты, чай, соки, кондитерские изделия и проч., однако во многом из-за ограничений мобильности в период коронавируса возникли сложности с доставкой продукции, что сильно сказалось на успешности бизнеса и в итоге привело к закрытию магазинов.

Увеличение транзитных потоков как через российско-казахстанскую, так и через российско-белорусскую границу после 2022 г. мало сказалось на развитии малого бизнеса. По-прежнему срабатывает т. н. эффект туннеля, когда пограничье пересекается без остановок, то есть транзитные потоки не вносят вклад в развитие придорожной инфраструктуры.

Рассмотрение кейсов из различных сегментов российско-белорусской и российско-казахстанской границы показало, что конкретные пространственные сочетания национальных и локальных факторов обусловливают интенсивность развития того или иного вида бизнеса. Если различия в "правилах игры" между государствами работают как общестрановой фактор, то конкретные конфигурационные особенности территории создают локальный контекст. Например, проведенные нами маршрутные наблюдения показывают, что в российско-белорусском пограничье присутствие белорусских бизнесменов в торговле и в организации перевозок гораздо шире в юго-западной части Брянской области (удалённой от областного центра и близкой к Гомелю) и на юге Псковской области (удалённом от областного центра и близком к Витебску).

Отдельно заметим, что экспертные интервью с представителями малого бизнеса доказывают, что роль внешних конъюнктурных факторов (экономические кризисы, девальвация, колебания платёжеспособного спроса населения) в динамике их развития существенно превышает по значимости влияние интеграционных процессов.

Традиционно в пограничье существуют и неорганизованные формы экономического взаимодействия – прежде всего, челночная торговля. Часть неформальной экономики составляют трансграничные поездки за бензином и за покупками продовольственных и непродовольственных товаров. Природа таких трансграничных практик кроется в наличии ценовых градиентов вдоль границы. Если интенсивность поездок за покупками продовольственных и непродовольственных товаров скорее снижается в пограничье из-за выравнивания цен или сокращения доходов населения (что препятствует возможности поехать), то практики поездок за бензином наиболее устойчивы во времени.

Представленность феномена неформальной экономики коррелирует, помимо экономических факторов, с транспортной доступностью территории сопредельного государства, системой расселения и общей мобильностью населения. Наши предшествующие исследования показали, что многие территории пограничья, физически приближенные к границе, часто оказываются за пределами двух-трёхчасовой доступности соседнего государства из-за конфигурации транспортных путей, а в случае российско-казахстанской границы

– ещё и из-за соответствующего размещения пунктов пропуска **[14].** В Волгоградской, Саратовской, Новосибирской областях более 95% населения живут более чем в трёх часах езды от ближайшего пункта пропуска через границу. Кардинально более проницаемая российско-белорусская граница и более компактные системы расселения в приграничных регионах России и Беларуси приводят к тому, что дальше, чем в трёх часах от границы только в Смоленской области живёт 9,6% населения, в Псковской – 8,2%, а во всех остальных областях этот процент существенно ниже или равен нулю.

Что касается отмеченного выше фактора мобильности населения, здесь следует сказать, что демографически (а многие – и экономически) депрессивные регионы российско-белорусского и российско-казахстанского пограничья характеризуются невысокой мобильностью населения с учётом и возрастной структуры населения, и невысокого уровня доходов. Например, по данным опроса населения 2022 г.[2], 63,4% жителей Смоленской области никогда не были в Беларуси. Только 3,6% населения региона ездят в Беларусь раз в месяц и чаще, что позволяет предположить, что для какой-то части этой группы населения участие в трансграничных видах предпринимательства является источником дохода.

Заключение

Интеграционные процессы, начавшиеся практически сразу после распада единой страны, пока не показали себя как универсальный рецепт для укрепления существовавших в советское время экономических связей и для появления новых. Несмотря на то, что в общественно-политическом дискурсе интеграция преподносится как "общее благо", в экономическом отношении бенефициаром межнациональных договоренностей выступает в основном крупный бизнес.

Анализ доступной внешнеторговой статистики показывает, что экономический ландшафт на обоих участках границы по-прежнему определяют советские предприятия-гиганты и сложившиеся между ними производственные связи. Некоторые из этих связей работают на собственно приграничные контакты, как это происходит на границе России и Казахстана в топливно-энергетическом комплексе (Оренбургская и Западно-Казахстанская области) или в металлургии (Челябинская и Костанайская области); однако не менее часто крупнейшие предприятия не создают потенциала для приграничного сотрудничества, ориентируясь на дальние связи, как это происходит в нефтепереработке в Витебской области.

Отсутствие сотрудничества за пределами ограниченного числа отраслей во многом объясняется социальным и экономическим опустыниванием приграничных территорий (особенно с российской стороны), оттоком экономической активности от границ в сторону административных центров и в целом за пределы приграничных регионов. Эта тенденция к периферизации пограничья отмечена в ряде предшествующих публикаций **[11].** Другая причина связана с большим количеством препятствий для торговых и кооперационных связей малого и среднего бизнеса. Нетарифные ограничения, случаи доминирования национальных регламентов над регламентами ЕАЭС, особые условия регулирования экономики (например, в Беларуси), неформальные нормы и правила ведения бизнеса (например, в Казахстане) ослабляют потенциал сотрудничества в пограничье. Результатом становится, во-первых, тенденция к автономизации региональных хозяйственных систем. Экономические (появление национальных производителей) и стратегические (опасение оказаться в зависимости от соседа) соображения заставляют власти и бизнес отказываться от некоторых производственных и торговых связей. Так, например, уральские и сибирские энергетики отказались от закупок казахстанского угля, а Павлодарский алюминиевый завод, производящий глинозём, стал выстраивать полный цикл производства алюминия.

[2] Проводился в рамках предшествующих исследований. Выборка составила 1 тыс. респондентов, из них 54 % женщин и 46 % мужчин. Использовалась стратифицированная трехступенчатая квотная выборка со случайным отбором домохозяйств на маршруте опроса.

Во-вторых, проявляется процесс стимулирования замещения чисто торговых связей кооперационными с одновременным требованием максимальной локализации производства.

Санкционный фактор в значительной мере усилил обозначенные выше тенденции. "Санкционный градиент", особенно в случае Казахстана, увеличил ренту его приграничных регионов от транзита товаров в Россию из третьих стран и стал аргументом для перехода от покупки российской техники к локализации её производства в собственном пограничье.

Литература / References

1. Анисимов А. М., Баринов С. Л., Вардомский Л. Б., Вертинская Т. С., Герцен А. А., Глинкина С. П., Головина Л. Д., Гриценко А. А., Евченко Н. Н., Зотова М. В., Кирюхин А. М., Колосов В. А., Либман А. М., Лобанов М. М., Пылин А. Г., Себенцов А. Б., Тураева М. О., Ушкалова Д. И., Часовский В. И. Приграничное сотрудничество регионов России, Беларуси и Украины: состояние и перспективы. *Евразийская Экономическая Интеграция.* 2013. №4 (21). С. 77–96.
   Anisimov A. M., Barinov S. L., Vardomskij L. B., Vertinskaya T. S., Gertsen A. A., Glinkina S. P., Golovina L. D., Gritsenko A. A., Evchenko N. N., Zotova M. V., Kiryuhin A. M., Kolosov V. A., Libman A. M., Lobanov M. M., Pylin A. G., Sebentsov A. B., Turaeva M. O., Ushkalova D. I., Chasovskij V. I. Cross-border cooperation of regions of Russia, Belarus and Ukraine: status and prospects. *Eurasian Economic Integration*. 2013. No. 4 (21). P. 77–96. (In Russ.)
2. Винокуров Е. Ю., Коршунов Д. А., Перебоев В. С., Цукарев Т. В. Евразийский экономический союз. Санкт-Петербург: ЦИИ ЕАБР, 2017. 296 с.
   Vinokurov E. YU., Korshunov D. A., Pereboev V. S., Tsukarev T. V. Eurasian Economic Union. Saint Petersburg: Center for Integration Studies of the Eurasian Development Bank, 2017. 296 p. (In Russ.)
3. Зубаревич Н. В. Регионы России: неравенство, кризис, модернизация. М.: НИСП, 2010. 160 с.
   Zubarevich N. V. Regions of Russia: inequality, crisis, modernization. Moscow: NISP, 2010. 160 p. (In Russ.)
4. Карпенко М. С. Приграничное измерение евразийской интеграции России и Казахстана: вызовы для сотрудничества. *Известия Российской академии наук. Серия географическая.* 2019. № 1. С. 24–36. https://doi.org/10.31857/S2587-55662019124-36
   Karpenko M. S. The Cross-Border Dimension of Eurasian Integration between Russia and Kazakhstan: Challenges for Cooperation. *Izvestiya Rossiiskoi Akademii Nauk. Seriya Geograficheskaya*. 2019. No. 1. P. 24–36. (In Russ.)
5. Ли В. А. Трансформация внешнеторгового оборота России и Республики Казахстан в условиях геополитической и геоэкономической нестабильности. *Вестник Гуманитарного университета*. 2024. Т. 12, № 4. С. 45–60.
   Li V. A. Transformation of foreign trade turnover of Russia and the Republic of Kazakhstan in the context of geopolitical and geoeconomic instability. *Bulletin of the Humanitarian University*. 2024. Vol. 12, No. 4. P. 45–60. (In Russ.)
6. Марцинкевич В. Национальная модель социально-экономического развития (концепция и структура). *Мировая экономика и международные отношения*. 2001. № 1. С. 16–26.
   Martsinkevich V. National model of socio-economic development (concept and structure). *World Economy and International Relations*. 2001. No. 1. P. 16–26. (In Russ.)
7. Петросьян А. Р. Перспективы интеграционных процессов Российской Федерации и республики Казахстан (на примере горно-металлургического комплекса). *Вестник Института экономики Российской академии наук.* 2023. № 1. С. 143–158.
   Petrosyan A. R. Prospects for integration processes of the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan (on the example of the mining and metallurgical complex). *The Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*. 2023. No. 1. P. 143–158. (In Russ.)
8. Социально-экономическое развитие постсоветских стран: итоги двадцатилетия. М.: ИЭ РАН, 2012. 400 с.
   Socio-economic development of post-Soviet countries: results of twenty years. Moscow: Institute of Economics RAS, 2012. 400 p. (In Russ.)
9. Часовский В. И. Российско-белорусское приграничье: изменения в территориально-отраслевой структуре хозяйства в постсоветский период развития. *Региональные исследования*. 2010. № 2. С. 82–90.
   Chasovsky V. I. Russian Belarusian borderland: changes in the territorial-sectoral structure of the economy in the post-Soviet period of development. *Regional studies*. 2010. No. 2. P. 82–90. (In Russ.)
10. Kolosov V., Scott J. Selected conceptual issues in border studies. *Belgeo*. 2013. № 4. P. 9–21.
11. Morachevskaya K. A. Borderland phenomenon: Approaches to interpretation and the role of center–periphery gradients. *Regional Research of Russia*. 2023. Vol. 13, No. 4. P. 663–670. https://doi.org/10.1134/S2079970523701058

12. Morachevskaya K. A., Sebentsov A. B., Karpenko M. S., Radikevich A. V. Cross-border interactions of the Pskov region in the context of restrictions: policy – perception – practice. *Geography, environment, sustainability*. 2025. Vol. 18, No. 4. P. 149–157. https://doi.org/10.24057/2071-9388-2025-4161
13. Morachevskaya K. A., Shavel A. N., Zinovyev A. S. Structural shifts in the foreign trade of border regions of Russia and Belarus in the context of political and economic challenges of the 2010s. *Regional Research of Russia*. 2018. Vol. 8, No. 3. P. 269–280. https://doi.org/10.1134/S2079970518030061
14. Sebentsov A. B., Karpenko M. S., Morachevskaya K. A., Sheludkov A. V. Barriers and transport accessibility of state borders as factors of cross-border interactions. *Regional Research of Russia*. 2024. T. 14, No. S2. P. S209–S221.
15. Sebentsov A. B., Morachevskaya K. A., Karpenko M. S. Russian-Belarusian borderland: contradictions of integration and cross-border regionalization. From friendship to cooperation? *Regional Research of Russia*. 2024. T. 14, No. 1. P. 61–76.
16. Sohn C. The border as a resource in the global urban space: a contribution to the cross-border metropolis hypothesis. *International Journal of Urban and Regional Research*. 2014. Vol. 38, No. 5. P. 1697–1711. https://doi.org/10.1111/1468-2427.12071
17. Van Houtum H., Berg E. (ed.). Routing borders between territories, discourses and practices. Routledge, 2018. 310 p.
18. Zotova M. V., Kolosov V. A., Gritsenko A. A. et al. Territorial gradients of socioeconomic development of russia's borderland. *Regional Research of Russia*. 2019. Vol. 9, No. 1. P. 32–43.

◆

Информация об авторах

Михаил Сергеевич Карпенко, научный сотрудник Лаборатории геополитических исследований Института географии РАН, Москва, Россия, e-mail: kms@igras.ru

Кира Алексеевна Морачевская, канд. геогр. наук, доцент кафедры экономической и социальной географии Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: k.morachevskaya@spbu.ru

Александр Борисович Себенцов, канд. геогр. наук, старший научный сотрудник Лаборатории геополитических исследований Института географии РАН, Москва, Россия, e-mail: asebentsov@igras.ru

Антон Сергеевич Кузавко, канд. экон. наук, доцент кафедры экономики Смоленского государственного университета, Смоленск, Россия, e-mail: akuzavko@rambler.ru

Information about the authors

Mikhail S. Karpenko, Researcher, Laboratory of Geopolitical Studies, Institute of Geography, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, e-mail: kms@igras.ru

Kira A. Morachevskaya, Candidate of Geographical Sciences, Associate Professor, Department of Economic and Social Geography, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia, e-mail: k.morachevskaya@spbu.ru

Alexander B. Sebentsov, Candidate of Geographical Sciences, Senior Researcher, Laboratory of Geopolitical Studies, Institute of Geography, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, e-mail: asebentsov@igras.ru

Anton S. Kuzavko, Candidate of Economics, Associate Professor, Department of Economics, Smolensk State University, Smolensk, Russia, e-mail: akuzavko@rambler.ru

Поступила в редакцию 24.04.2026 Одобрена после рецензирования 07.08.2026 Принята к публикации 25.08.2026

Received 24.04.2026 Approved 07.08.2026 Accepted 25.08.2026